

Отзыв

официального оппонента на диссертацию Павленко Анны Александровны «Смерть в структуре тезауруса современной культуры России», представленное на соискание ученой степени кандидата культурологии по специальности 24.00.01 – теория и история культуры.

Данная диссертация посвящена исследованию одной из центральных культурологических тем: дискурсу смерти в культуре. Оправдано принимая, что «смерть выступает культуuroобразующим фактором», автор ставит своей целью «описать ценностную модель смерти в структуре тезауруса современной культуры России» (диссертация, с. 8). Для анализа привлечен достаточно обширный материал: художественные произведения, включая литературу, музыку, изобразительное искусство, кино и театр; научный дискурс, как попытка разрешения экзистенциальной проблемы смертности человека; обрядовая символика погребений и ритуалы захоронения; разного рода практики, связанные с антропологией смерти.

Теоретический посыл, из которого исходит диссертант, состоит в том, что «В любую историческую эпоху человек и общество поставлены перед необходимостью разрешения экзистенциального противоречия между конечностью их физического бытия и бесконечностью бытия духа и сознания»(с.10). Идея указанного противоречия становится в работе той концептуальной рамкой, в которой автор пытается интерпретировать многочисленные свидетельства особенностей отношения к смерти в современной (в частности – в российской) культуре. Подход можно оценить как достаточно эвристичный, хотя и не вполне реализованным в данном исследовании. Далеко не все эмпирические факты получили развернутую теоретическую интерпретацию. В особенности это касается рассмотрения взглядов других авторов на данную проблему.

В первой главе работы освещены основные культурологические «модели смерти», как в исторической ретроспективе, так и теориях различных авторов (в частности Ф.Арьеса, Ж.Бодрийара, З.Баумана, А.В.Демичева и др.). Сразу можно отметить, что этот раздел диссертации носит обзорный, а не аналитический характер. За рамками анализа остаются критерии выбора той или иной типологии образов смерти в культуре, предложенные тем или иным автором. Остается не ясным собственное отношение А.А. Павленко к рассматриваемым позициям, что в свою очередь затрудняет установление новизны данного исследования. Такой же описательный стиль сохраняется и далее. Автор возвращается к «моделям смерти» (во многом повторяя вводный раздел) в параграфе «1.3 Научные проекты разрешения экзистенциального противоречия» (с.79-96). Правда, в заключении раздела диссертант пытается обобщить «научные подходы», сводя их к трем: гармонизация проявлений жизни и смерти (как образец – мировоззрение Востока), моральная поддержка умирающему, технологический подход - предполагающий «устранение самой необходимости умирать». Вывод допустимый, но вполне тривиальный.

Можно считать, что привлечённый к анализу многосторонний материал позволил автору дать достаточно полную систематику презентации смерти в современной культуре. Так, в работе представлена типология изображения смерти в современной художественной культуре. Диссертант полагает, этот образ может быть акцентирован на следующие типы: биологический, социальный, психологический, спиритический и фантастический (с.57-79). В качестве основной новации А.А. Павленко выдвигает концепт «смерть медийная». Хотя смысл концепта можно считать общепринятым, то саму терминологическую новацию стоит приветствовать. Данное сочетание слов удачно собирает до сих пор разведенные рубрики тематизации дискурса смерти в культуре. Быть может данный концепт войдёт в обиход академического сообщества.

В качестве основных задач автор выдвигает выявление и анализ тематизации смерти в художественных и научных работах современной России, а так же в ритуальной и телесной практике. Работа действительно сделана на российском материале, однако вопрос специфики российского дискурса смерти остается открытым, поскольку требует ясного основания сравнения с соответствующим дискурсом западной и восточной культур. Одного анализа российского материала для этого недостаточно. Не случайно в заключении работы А.А. Павленко замечает, что проведенное исследование открывает перспективы компаративных исследований (с.158), видимо не претендуя на таковые. Тем не менее диссертант постоянно касается вопроса специфики и отвечает на него следующим образом. Автор полагает, что ведущим мотивом отношения к смерти в западной культуре является страх, в восточной – любовь, а в российской, это отношение имеет амбивалентный (одновременный) характер, т.е. и любви, и страха. «Во второй половине XX века на основе этой *одновременности* (выделено мною – С.Я.) формируется новая модель смерти, которая определяется понятием «смерть медийная», характеризующим отношение к смерти как приручение её в процессе обыгрывания и избегание соприкосновения с реальной биологической смертью». (С.155 - Заключение). Вывод о том, что дискурс смерти сегодня в основном представлен в медийном пространстве – является верным (и даже очевидным) в силу медийного характера всей современной культуры. Но есть вопросы, на который оппонент не нашел в работе ясного ответа. 1) В какой мере медийный характер дискурса смерти характерен именно для России, а не для всего «цивилизованного» мира? 2) В чем состоит современная специфика одновременности (амбивалентности) «любви к смерти» и страха смерти, учитывая, что таковая амбивалентность уже в классическом психоанализе обозначена в качестве фундаментальной? 3) Как в этом свете можно говорить о специфике современного российского дискурса смерти? 4) На каком основании «творческие искания» некоторых деятелей искусства можно рассматривать как репрезентативные для всей российской культуры?

(В какой мере, например, в нашем медийном пространстве распространено увлечение «мексиканским культом смерти», о чем пишет автор).

Действительно самостоятельный характер имеет раздел работы, посвященный анализу обрядов погребения и символике захоронений. Так, автор обнаруживает, что структура захоронений на кладбище репрезентативно отражает социальную стратификацию, а символы надгробий много говорят об экзистенциальных ценностях, доминирующих в культуре. Для российских кладбищ характерен синтез религиозной и светской символики, что отражает напластование дореволюционной, советской и современных эпох. Возник своеобразный эклектический стиль. На основании этих наблюдений автор делает вывод, что «в современном обществе отсутствует отчетливое представление о господствующем типе разрешения экзистенциального противоречия в отношении к смерти, который имеется в отношении к жизни и сводится к той или иной форме потребления» (С.157).

В разделе «Антропология смерти. Телесные и духовные практики» (С.133-153) описываются наиболее распространенные в России практики «культуры смерти», включая (по мнению автора) моду на анорексию среди том-моделей, бодимодификацию, использование в ней символики смерти, имитация захоронения (танатотерапия) и др. Приводится много интересных подробностей (фамилии, практический опыт и пр.), которые бы украсили популярную книгу на эту тему, но сильно не хватает теоретической рефлексии. Автор ограничивается указанием на то, что это увлечение символикой смерти («мода на смерть») позволяет избегать встречи с её реальностью (С.134) – что во-многих случаях верно, но не всегда. Например, трудно в одном ключе трактовать практиков бодимодификаций и любителей смертельных прыжков. Было бы уместно развернуть упомянутую в работе связь между современной культурой потребления и «модой на смерть» (с.140). Формально же возникает противоречие утверждений: с одной стороны – распространение символики смерти – всегда напоминает о ней, но

с другой: «заставляет забыть о существовании смерти и ассоциировать её не более чем с одним из образов массовой культуры» (там же).

При оценке данной работы следует иметь в виду, что она носит (в соответствии с поставленной целью) описательный, конкретно-исторический характер и как таковая целиком не фиксирует глубинный (философский) смысл обозначенной проблемы. Для автора показалось достаточным указать на то, что в основе отношения к смерти в данной культуре находится необходимость разрешения экзистенциального противоречия между «конечностью физического бытия и бесконечностью бытия духа и сознания»(с.10). Философское и оно же онтологическое рассмотрение проблемы предполагает, что основанием указанного противоречия является понимание конечности, как временности, и временности, как модуса времени – субстанции тех синтезов, которые осуществляет сознание. Но и безотносительно к сущности духа, даже рассматривая проблему с сугубо фактологической стороны, невозможно преуменьшить конститутивный характер дискурса смерти в культуре. В антропологии достаточным признанием пользуется положение, что критериальным рубежом, которое отличает человеческое сообщества от стада животных является символическое отношение к мертвым (погребальный обряд). Этот обряд быть может главное свидетельство рожденной культуры. Это свидетельство духа, символически преодолевающего конечность своего физического бытия. Без особого преувеличения можно сказать, что вся культура есть реакция разумно-духовного существа, осознавшего свою конечность всех своих земных забот. Соответственно феноменальным проявлением особенностей всякой культуры может служить характерный для неё дискурс смерти.

Как показал Ф.Арьес в своей известной работе, главной чертой отношения всей современной цивилизации к смерти является её «маргинализация», т.е. вытеснение на периферию социального пространства. Многие феномены современной культуры становятся понятны только если принять во внимание вытеснение дискурса смерти в подсознание индивида (в

строгом психоаналитическом смысле). Человек, из сознания которого вытеснена эта идея, ведет себя совершенно иначе, нежели тот, который ведал *momento mori*. Этот индивид может жить методом накопления, в то время как древний и средневековый мог жить способом траты (Бодрийар).

Наиболее значимым в представленном исследовании можно считать попытку оценить состояние культуры по тому, как в ней развернут дискурс смерти. Этот дискурс лишь отчасти касается погребальных обрядов, более значимым для него является репрезентация смерти в медийном пространстве.

Приходится сожалеть, что в работе не нашлось ссылок на ряд фундаментальных работ на тему дискурса смерти в культуре. Очень бы помогла работа А.Кожева «Идея смерти в философии Гегеля». Оправданием может служить только то, что автор не претендует на философский статус своего исследования, но это и означает, что наиболее глубокий смысловой слой проблемы, который только и делает понятным характер присутствия дискурса смерти в данной культуре, остался не затронут. Так, опираясь на Гегеля, Кожев утверждает, что «человек <способом бытия которого является негация наличного> – это смерть, живущая человеческой жизнью». Вопрос о значении идеи смерти в культуре, поставленный философски, предполагает рассмотрение того, как в данной культурно-исторической ситуации человек решает проблему конечности всех своих начинаний, всех своих забот и всей своей жизни. (Вспомним также принципиальное положение Хайдеггера: «Конечность не есть просто свойство приданное человеку, но фундаментальный способ его существования»).

Вопрос о смерти поставленный философски (а к этому вела отравная точка исследования через экзистенциальное противоречие) позволил бы саму тему сформулировать иначе: не как о культурном тезаурусе, но как о «дискурсе смерти в современной российской культуре». (Кожев непосредственно связывает идею смерти с дискурсивным характером человеческого бытия).

К общему недостатку работы следует отнести нарушение академической строгости текста. Диссертация переполнена описанием деталей, которые бы «украсили» анонс к фильму или иному художественному произведению, но не имеют отношения к существу решаемой задачи. Как пример – на трех страницах (77-79) дается описание внешних атрибутов фильмов: «Российская премьера прошла 19 февраля ... бюджет 5 миллионов долларов США ... Главный герой известный российский актер ... действие происходит ...» и т.д. и т.д.

В целом диссертация А.А. Павленко является актуальным научным трудом, решающим важную задачу для теории и истории культуры. Поставленные в диссертационном исследовании задачи в основном - выполнены, заявленная научная новизна соответствует достигнутым результатам. Достоверность результатов обеспечена адекватной теоретической и методологической базой исследования и широким привлечением фактического материала.

Результаты работы опубликованы в открытой печати, в том числе в трех изданиях, рекомендованных ВАК РФ. Автореферат соответствует тексту диссертации.

Всё вышеуказанное позволяет заключить, что диссертационное исследование Павленко Анны Александровны «Смерть в структуре тезауруса современной культуры России», соответствует положению ВАК РФ «О порядке присуждения ученых степеней», предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата культурологии по специальности 24.00.01 – теория и история культуры, а сам автор заслуживает присуждения ему искомой степени.

Заведующий кафедрой философии
Дальневосточного федерального университета,
доктор философских наук, профессор

Ячин С.Е.